

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

А. Н. ШКЛЯРЕВСКИЙ

ОБОСОБЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ – АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

В статье высказаны идеи и предложения по обособлению административной ответственности от уголовной в части исключения из уголовного законодательства административной преюдиции. Акцентировано внимание на том, что административная преюдиция противоречит принципам уголовного права и способствует появлению коррупции. Ее исключение из законодательства позволит гражданам адекватно оценивать свое поведение в соответствии с установленными запретами, предвидеть возможные негативные для себя последствия, а у правоприменителя не возникнет проблем с квалификацией содеянного. В качестве замены административной преюдиции предлагается введение в уголовное законодательство новой категории преступлений – уголовные проступки.

Ключевые слова: административная преюдиция; правонарушение; преступление; уголовный проступок; коррупция.

УДК 342.9; 343.2/.7

Введение. Административная ответственность в настоящее время играет все более значимую роль в регулировании общественных отношений. Ее роль и значение усиливаются ежедневно. Причем этот процесс зачастую происходит настолько интенсивно, что выходит за рамки разумности. Так, если в 2008 г. было зарегистрировано 2,34 млн административных правонарушений, то с 2014 г. они стабильно превышают 4 млн: в 2014 г. – уже 4,4 млн, в 2018 г. – 4,36 млн [1, с. 29].

Во многих случаях административная ответственность установлена за деяния, которые практически не встречаются в реальной жизни либо встречаются чрезвычайно редко. В результате этого «цели административного наказания

Александр Николаевич ШКЛЯРЕВСКИЙ (shkliareuski_a@bseu.by), кандидат юридических наук, декан факультета права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

в сфере реализации административной ответственности отводятся на второй план, уступая место валовым показателям: количеству составленных протоколов, количеству вынесенных постановлений, суммам взысканных штрафов» [2, с. 112].

Все это не дает желаемого эффекта. Более того, негативные тенденции продолжают расти, снижая «эффективность нормативного правового регулирования общественных отношений посредством административных запретов, устанавливаемых без оглядки на юридическую теорию» [3]. К тому же «при оценке масштабности применения мер административной ответственности следует учитывать то обстоятельство, что не все административные правонарушения выявляются, имеется определенный объем их латентности, а потому обоснованные прогнозы относительно реальной ситуации с административными правонарушениями затруднены» [4, с. 9–10].

Очевидно, что назрела необходимость пересмотра действующего административно-деликтного законодательства с позиций усиления его профилактической направленности в противовес репрессивной, о чем было дано соответствующее поручение Президента 16 декабря 2019 г. При этом «национальная правовая система, являясь системой более низкого уровня по отношению к системе социального регулирования, конечно не может в одночасье поменять свои социальные координаты» [5, с. 13]. Корректировка административно-деликтного законодательства с неизбежностью повлечет необходимость внесения изменений и в уголовное, гражданское и иное законодательство. Таким образом, начавшийся процесс лишь задает вектор дальнейшего развития и совершенствования национального законодательства с целью приведения его в соответствие с социально-экономическими потребностями общества и государства.

Основная часть. Следует отметить, что административно-правовые запреты, подкрепленные соответствующими санкциями, в последнее время все шире используются в качестве универсального регулятора общественных отношений, возникающих в связи с реализацией конституционных, гражданских, экологических, жилищных, семейных и иных прав и свобод граждан. Практически во всех странах можно наблюдать детализацию, уточнение состава административных правонарушений. Более того, если в подавляющем большинстве зарубежных стран ранее отсутствовало законодательство об административных правонарушениях как отдельный вид законодательства, то сейчас заметна тенденция к обособлению административно-деликтного законодательства от уголовного либо формирование его «с нуля» как такового.

Обособление административной ответственности от иных видов юридической ответственности, выработка объективных критериев такого обособления имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку позволяют «определить отраслевую природу конструируемого состава правонарушения, соблюдать необходимый баланс между видами юридической ответственности, мерами государственного принуждения» [2, с. 113]. Четкое обособление административной ответственности оказывается полезным буквально всем: гражданин получает возможность адекватно оценивать свое поведение в соответствии с установленными запретами, предвидеть возможные негативные для себя последствия, а у правоприменителя не возникает проблем с квалификацией содеянного.

На первый взгляд нет особых проблем в разграничении административной и уголовной ответственности. Они имеют разное нормативное основание (Кодекс об административных правонарушениях — КоАП либо Уголовный кодекс — УК). Административные правонарушения характеризуются признаком общественной вредности, а преступления — общественной опасности. В

соответствующих кодексах содержатся разные дефиниции административного правонарушения и преступления. За административные правонарушения в отличие от преступлений предусмотрена возможность привлечения к ответственности не только физических, но и юридических лиц. Только за административные правонарушения предусмотрена возможность привлечения к ответственности в случае их фиксации техническими средствами. Этот список может быть продолжен.

Все это так, но есть большое *но*: в Уголовном кодексе Республики Беларусь до сих пор существует такое неоднозначное понятие, как «административная преюдиция». И это при том что она направлена не на гуманизацию уголовного законодательства, а на усиление его репрессивности.

Кроме Республики Беларусь административная преюдиция применяется также в России, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Грузии, Кыргызстане, Армении и Молдове. Однако законодатели некоторых государств постсоветского пространства, принимая уголовные кодексы, отказались от конструирования составов преступлений с административной преюдицией. Отчасти это связано с отсутствием норм, предусматривающих административную преюдицию в Модельном уголовном кодексе для государств — участников СНГ [6, с. 87].

Термин «преюдиция» происходит от латинского слова *praejudicium* и означает новое юридическое решение, основанное на тождественном, уже вступившем в силу предыдущем решении. Другими словами, эта своеобразная связь между двумя или более аналогичными правонарушениями, совершенными в течение определенного срока, которые, не меняя своей сути, исключительно из-за присутствия признака повторности квалифицируются по-разному.

Административная преюдиция предусматривает применение за первое нарушение административной ответственности, а в случае ее неэффективности — уголовной ответственности. При этом правовая природа юридических предписаний, за нарушение которых устанавливается ответственность, значения не имеет. Как административная, так и уголовная ответственность охраняют правоотношения любой природы: конституционные, гражданские, семейные, экологические, налоговые, земельные и др. Именно поэтому вряд ли имеют под собой серьезную почву утверждения отдельных ученых о наличии множества видов юридической ответственности (финансовой, налоговой, экологической и т. п.), ибо нарушение норм иных отраслей права влечет, как правило, один из общепризнанных видов ответственности (административную, уголовную, дисциплинарную либо гражданско-правовую (материальную)).

В действующем законодательстве административная преюдиция установлена в 28 статьях Особенной части УК (для сравнения: в Российской Федерации — только в 13 статьях). Данный перечень подвергается регулярному пересмотру. В последние годы белорусский законодатель по разным причинам отказался от норм с административной преюдицией при установлении ответственности за такие деяния, как клевета (ст. 188); оскорбление (ст. 189); мелкое хищение (ст. 213); незаконное открытие счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224); нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244); ограничение конкуренции (ст. 247); незаконное использование деловой репутации конкурента (ст. 248); нарушение правил торговли (ст. 260); подделка проездных документов (ст. 262); загрязнение леса (ст. 275); самовольное присвоение звания или власти должностного лица (ст. 382); несоблюдение требований превентивного надзора (ст. 421); распространение порнографических материалов (ст. 343); уклонение от призыва на воинскую службу (ст. 435), от сборов (ст. 436) и воинского учета (ст. 437).

В то же время перечень составов, содержащих административную преюдицию, дополнился за счет включения в него следующих норм: уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (ст. 174); незаконное перемещение товаров через таможенную границу (ст. 228-1); незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования (ст. 234-1); незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных (ст. 282-1); потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (ст. 328-2); получение иностранной безвозмездной помощи в нарушение законодательства Республики Беларусь (ст. 369-2); незаконные действия в отношении государственных наград (ст. 387).

Наибольшая стабильность в вопросе сохранения административной преюдиции наблюдается за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей (ст. 177-1); нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности (ст. 201); обман потребителей (ст. 257); порча земель (ст. 269); нарушение правил охраны недр (ст. 271); загрязнение либо засорение вод (ст. 272); загрязнение атмосферного воздуха (ст. 274); нарушение правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами (ст. 278); незаконная добыча рыбы или других водных животных (ст. 281); незаконная охота (ст. 282); незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (ст. 295-1); незаконные действия в отношении холодного оружия (ст. 296); незаконные действия в отношении газового, пневматического или метательного оружия (ст. 297); нарушение правил пожарной безопасности (ст. 304); управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) (ст. 317-1); нарушение правил радиационного контроля (ст. 326); выпуск либо реализация недоброкачественной продукции (ст. 337); незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь (ст. 371); незаконное пользование эмблемой Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла (ст. 385); самовольное занятие земельного участка (ст. 386); передача предметов или веществ лицу, содержащемуся в следственном изоляторе, исправительном учреждении, исполняющем наказание в виде лишения свободы, или арестном доме, либо получение от него предметов и веществ (ст. 412).

Научная дискуссия о целесообразности или нецелесообразности наличия административной преюдиции в уголовном законодательстве ведется еще с 1994 г., когда в ч. 2 ст. 30 УК Республики Беларусь 1960 г. впервые был введен данный термин, правда, без определения, что это такое, и без указания каких-либо характеризующих его признаков. Указывалось лишь на то, что «размер штрафа, назначаемого лицу за совершенное им преступление, предусмотренное статьей настоящего Кодекса, содержащей административную преюдицию, не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке».

Статья 32 действующего УК Республики Беларусь закрепляет, что «в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

Нужен ли институт административной преюдиции в современных условиях? Взгляды ученых на данную проблему диаметрально противоположны. Так, Ю. Никитин признает существование административной преюдиции в уголовном праве в целом обоснованной, поскольку «она является одним из средств профилактики преступности» [7, с. 37]. Аналогичного мнения придерживается и В. П. Малков, считающий, что «использование административной преюдиции, а также соответствующих форм повторности является средством сдерживания расширения уголовно-правового принуждения и противодействия преступности» [8, с. 60–61].

По мнению И. О. Грунтова, «вряд ли возможно исправлять и перевоспитывать методом, не давшим результатов» [9, с. 90]. А. В. Шидловский считает, что назначенное наказание должно служить предупреждению такого же общественно опасного поведения со стороны других лиц [10, с. 69–72]. Ю. П. Оноколов исходит из того, что в случае повторного совершения административного правонарушения полностью меняется субъект данного деяния. Поскольку лицо, совершившее противоправное деяние повторно, в любом случае является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое деяние впервые [11, с. 20–23]. М. В. Бавсун, И. Г. Бавсун и И. А. Тихон, обосновывая наличие административной преюдиции как эффективного средства противодействия преступности, исходят из того, что она повысит эффективность практического применения уголовного законодательства, обеспечит реализацию принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения [12, с. 6–9].

Сторонники противоположной точки зрения ссылаются в основном на законодательство зарубежных стран, где такой институт отсутствует. При этом называют административную преюдицию «сугубо советской выдумкой» [13]. По мнению Н. А. Лопашенко, «такая конструкция полностью противоречит научной конструкции преступления и не может быть отнесена ни к множественности преступлений, ни к единичному (простому или сложному) преступлению» [14, с. 70]. «Признание некоторых проступков преступными, — пишет А. А. Гогин, — в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава независимо от иных обстоятельств, в частности от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок» [15, с. 29]. Как контраргумент противников административной преюдиции звучит также чрезмерное расширение границ уголовно-правовой репрессии [16, с. 40], нарушение принципа *non bis in idem* [17, с. 45–47] и др. Возникают ситуации, когда зачастую повторное правонарушение по своим характеристикам значительно «легче» первого, но влечет более серьезную ответственность. Бесспорно, повторные административные правонарушения должны влечь строгие меры воздействия, но конечно же в рамках административной ответственности.

Полагаем, что истина, как всегда, где-то посередине. При совершенствовании правовых норм законодатель должен учесть как все хорошее, что принесла в уголовное законодательство административная преюдиция, так и те моменты, за которые ее подвергают совершенно справедливой критике. По нашему мнению, административную преюдицию из действующего законодательства целесообразно исключить, поскольку она несет «высокий риск размывания границ между преступлением и правонарушением» [18, с. 127].

Следует также помнить, что в процессе применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией возникают ситуации, когда вопрос о преступном деянии определяется не уголовным законодательством, а право-

применительными органами, что несет на себе коррупционную составляющую, ведь наличие у лица состояния административной наказанности как признака состава преступления правоохранитель легко может «не заметить» [6, с. 90–91].

Заключение. Таким образом, сущность института административной преюдиции состоит в том, что состав преступления формируется из признаков административного правонарушения. В качестве же критерия разграничения преступления и административного правонарушения выступает тот факт, что лицо уже привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение установленного срока. Однако сколько бы административное правонарушение ни повторялось, оно никогда не приобретет сущностных признаков преступления.

С учетом изложенного наиболее правильным было бы исключить все статьи с административной преюдицией из УК. Однако при этом следует найти им подходящую замену. И в качестве такой замены наилучшим способом реагирования на преступность будет отделение административных правонарушений от преступлений по характеру вредности и размерам причиненного вреда. Соответственно такого рода преступления можно будет назвать «уголовными проступками» (по аналогии с административными проступками, которые предлагается выделить в самостоятельную группу в проекте нового КоАП Республики Беларусь).

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Василевич, Г. А.* Совершенствование законодательства об административной ответственности / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич // Юстиция Беларуси. — 2020. — № 2. — С. 29–32.

Vasilevich, G. A. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva ob administrativnoy otvetstvennosti [Improving the legislation on administrative responsibility] / G. A. Vasilevich, S. G. Vasilevich // Yustitsiya Belarusi. — 2020. — N 2. — P. 29–32.

2. *Зырянов, С. М.* Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности / С. М. Зырянов // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы VIII Ежегод. науч. чтений памяти проф. С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. — С. 111–120.

Zyryanov, S. M. Administrativnaya otvetstvennost' kak samostoyatel'nyy vid yuridicheskoy otvetstvennosti [Administrative responsibility as an independent type of legal responsibility] / S. M. Zyryanov // Yuridicheskaya otvetstvennost' : sovremennyye vyzovy i resheniya: materialy VIII Ezhegod. nauch. chteniy pamyati prof. S. N. Bratusya / отв. ред. N. G. Doronina. — М. : IZiSP pri Pravitel'stve RF : INFRA-M, 2013. — P. 111–120.

3. *Попов, Л. Л.* Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка / Л. Л. Попов. — М. : ВНИИ МВД СССР, 1976. — 209 с.

Popov, L. L. Effektivnost' administrativno-pravovykh sanktsiy v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka [The effectiveness of administrative sanctions in the field of public order protection] / L. L. Popov. — М. : VNI MVD SSSR, 1976. — 209 p.

4. *Серков, П. П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : моногр. / П. П. Серков. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 480 с.

Serkov, P. P. Administrativnaya otvetstvennost' v rossiyskom prave: sovremennoe osmyslenie i novye podkhody [Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches] : monogr. / P. P. Serkov. — М. : Norma : INFRA-M, 2012. — 480 p.

5. Сильченко, Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы / Н. В. Сильченко // Журн. рос. права. — 2016. — № 6 (234). — С. 5–15.

Sil'chenko, N. V. Sotsial'nye koordinaty i identifikatsiya natsional'noy pravovoy sistemy [Social coordinates and identification of the national legal system] / N. V. Sil'chenko // Zhurn. ros. prava. — 2016. — N 6 (234). — P. 5–15.

6. Синельщиков, Ю. П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика / Ю. П. Синельщиков // Государство и право. — 2020. — № 1. — С. 86–92.

Sinel'shchikov, Yu. P. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Administrative prejudice in modern criminal proceedings: theory and practice] / Yu. P. Sinel'shchikov // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — N 1. — P. 86–92.

7. Никитин, Ю. Проблема административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном праве / Ю. Никитин // Юстиция Беларуси. — 2017. — № 3. — С. 31–37.

Nikitin, Yu. Problema administrativnoy i distsiplinarnoy preyuditsii v ugovolnom prave [The problem of administrative and disciplinary proceedings in criminal law] / Yu. Nikitin // Yustitsiya Belarusi. — 2017. — N 3. — P. 31–37.

8. Малков, В. П. Административная преюдиция: за и против / В. П. Малков // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 60–61.

Malkov, V. P. Administrativnaya preyuditsiya: za i protiv [Administrative prejudice: pros and cons] / V. P. Malkov // Vestn. Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. — 2011. — N 3 (23). — P. 60–61.

9. Грунтов, И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией и некоторые вопросы Общей части уголовного права / И. О. Грунтов // Актуальные вопросы развития советского государства и права : тезисы докл. науч. конф. проф.-препод. состава юрид. фак. — Минск, 26 дек. 1985 г. — Минск, 1985. — С. 90.

Gruntov, I. O. Ugolovno-pravovyye normy s administrativnoy preyuditsiyey i nekotoryye voprosy Obshchey chasti ugovolnogo prava [Criminal law with administrative prejudice and some issues of the General part of criminal law] / I. O. Gruntov // Aktual'nye voprosy razvitiya sovetskogo gosudarstva i prava : tezisy dokl. nauch. konf. prof.-prepod. sostava yurid. fak. — Minsk, 26 dek. 1985 g. — Minsk, 1985. — P. 90.

10. Шидловский, А. В. Наказание при административной преюдиции / А. В. Шидловский // Право Беларуси. — 2002. — № 3. — С. 69–72.

Shidlovskiy, A. V. Nakazanie pri administrativnoy preyuditsii [Punishment under administrative prejudice] / A. V. Shidlovskiy // Pravo Belarusi. — 2002. — N 3. — P. 69–72.

11. Оноколов, Ю. П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям / Ю. П. Оноколов // Таможенное дело. — 2014. — № 2. — С. 20–23.

Onokolov, Yu. P. Institut administrativnoy preyuditsii kak instrument protivodeystviya prestupleniyam i inym pravonarusheniyam [The Institute of Administrative Prejudice as a Tool to Combat Crimes and Other Offenses] / Yu. P. Onokolov // Tamozhennoe delo. — 2014. — N 2. — P. 20–23.

12. Бавсун, М. В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / М. В. Бавсун, И. Г. Бавсун, И. А. Тихон // Административ. право и процесс. — 2008. — № 6. — С. 6–9.

Bavsun, M. V. Administrativnaya preyuditsiya i perspektivy ee primeneniya na sovremennom etape [Administrative prejudice and prospects for its application at the present stage] / M. V. Bavsun, I. G. Bavsun, I. A. Tikhon // Administrativ. pravo i protsess. — 2008. — N 6. — P. 6–9.

13. Хавронюк, Н. И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения европейских стран [Электронный ресурс] / Н. И. Хавронюк. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280. — Дата доступа: 19.05.2020.

Khavronyuk, N. I. Administrativnaya preyuditsiya i institut retsidiva s toчки zreniya evropeyskikh stran [Administrative prejudice and the institution of relapse from the point of view of European countries] [Elektronnyy resurs] / N. I. Khavronyuk. — Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280. — Data dostupa: 19.05.2020.

14. *Лопашенко, Н. А.* Административной преюдиции в уголовном праве — нет! / Н. А. Лопашенко // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 64–71.

Lopashenko, N. A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave — net! [Administrative prejudice in criminal law — no!] / N. A. Lopashenko // Vestn. Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. — 2011. — N 3 (23). — P. 64–71.

15. *Гогин, А. А.* Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» / А. А. Гогин // Право и политика. — 2004. — № 5. — С. 27–32.

Gogin, A. A. Otvetstvennost' za narushenie Federal'nogo zakona «O reklame» [Responsibility for violation of the Federal Law «On Advertising»] / A. A. Gogin // Pravo i politika. — 2004. — N 5. — P. 27–32.

16. *Гулько, А. Л.* История уголовной ответственности за хулиганство в России / А. Л. Гулько // Адвокатская практика. — 2006. — № 5. — С. 36–43.

Gul'ko, A. L. Istoriya ugovnoy otvetstvennosti za khuliganstvo v Rossii [The history of criminal liability for hooliganism in Russia] / A. L. Gul'ko // Advokatskaya praktika. — 2006. — N 5. — P. 36–43.

17. *Шемякин, Д. В.* Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве / Д. В. Шемякин // Рос. следователь. — 2015. — № 15. — С. 45–47.

Shemyakin, D. V. Problemnye voprosy ispol'zovaniya administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave [Problematic issues of using administrative prejudice in criminal law] / D. V. Shemyakin // Ros. sledovatel'. — 2015. — N 15. — P. 45–47.

18. *Сидоренко, Э. Л.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э. Л. Сидоренко // Журн. рос. права. — 2016. — № 6. — С. 125–133.

Sidorenko, E. L. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy pravoprimeneniya [Administrative prejudice in criminal law: problems of law enforcement] / E. L. Sidorenko // Zhurn. ros. prava. — 2016. — N 6. — P. 125–133.

ALEKSANDR SHKLIAREUSKI

**SEPARATION OF ADMINISTRATIVE AND
CRIMINAL LIABILITY AS AN URGENT TASK**

Author affiliation. *Aleksandr SHKLIAREUSKI* (shkliareuski_a@bseu.by), Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Abstract. The article expresses ideas and suggestions on the separation of administrative liability from criminal liability in terms of exclusion of administrative prejudice from criminal law. Attention is focused on the fact that administrative prejudice contradicts the principles of criminal law and contributes to the emergence of corruption. Its exclusion from the legislation will allow citizens to adequately assess their behavior in accordance with the established prohibitions, anticipate possible negative consequences for themselves, and for the law enforcer there will be no problems with the qualification of the deed. As a substitute for administrative prejudice, introduction of a new category of crimes into criminal law — misdemeanor offenses — is proposed.

Keywords: administrative prejudice; offense; crime; misdemeanor offense; corruption.

UDC 342.9; 343.2/.7

*Статья поступила
в редакцию 27. 07. 2020 г.*

Д. В. ПЛОСКУНОВ, Т. В. ТЕЛЯТИЦКАЯ

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье исследуется проблематика исполнения законодательства при административном задержании физических лиц, их помещении в места, специально отведенные для содержания задержанных, а также при исполнении взыскания в виде административного ареста. Проводится анализ правовых средств прокурора по выявлению и устранению нарушений законодательства о порядке применения мер, ограничивающих (лишающих) граждан свободы.

Ключевые слова: административное задержание; административный арест; выявление и устранение нарушений; освобождение; продление срока задержания.

УДК 342.98

Неприкосновенность личности — важнейшее личное право физического лица, гарантируемое ст. 25 Конституции Республики Беларусь и провозглашаемое в качестве одного из принципов административного процесса. Основания и порядок ограничения либо лишения личной свободы в случае административного задержания или административного ареста устанавливаются Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП, Кодекс).

Принцип неприкосновенности личности, установленный в ст. 2.4 ПИКоАП, состоит из трех частей:

запрет задержания без законных оснований и в нарушение установленного порядка, а также необходимость освобождения каждого незаконно задержанного и административно арестованного свыше срока, предусмотренного законом или постановлением о наложении административного взыскания;

запрет применения насилия, жестокого и унижающего достоинство обращения к участвующим в административном процессе физическим лицам;

необходимость содержания задержанных и административно арестованных в условиях, безопасных для их жизни и здоровья.

Денис Владимирович ПЛОСКУНОВ (Ploskunov.denis@mail.ru), аспирант кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь);

Татьяна Валерьевна ТЕЛЯТИЦКАЯ (tvt@tut.by), кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).